Humanitas

Игорь Клюканов

СООБЩЕНИЕ И ЗАБЫТИЕ

УДК 16(18 п.л.)
ББК 87.4
К 52

Главный редактор и автор проекта «Humanitas» С.Я. Левит
Заместитель главного редактора И.А. Осиновская

Редакционная коллегия серии:
Л.В. Скворцов (председатель), Е.Н. Балашова, П.П. Гайденко, В.Д. Губин, Б.Л. Губман, П.С. Гуревич, А.Л. Доброхотов, Г.И. Зверева, В.К. Кантор, А.Н. Кожановский, И.В. Кондаков, М.П. Крыжановская, Л.А. Микешина, Ю.С. Пивоваров, И.И. Ремезова, А.К. Сорокин, П.В. Соснов

Редактор: М.П. Крыжановская
Серийное оформление: П.П. Ефремов

К 52 **Клюканов И.Э.** Сообщение и забытие. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 288 с. (Серия «Humanitas»)

Книга посвящена осмыслению сообщения, которое рассматривается не как процесс передачи информации и ее результат, а как источник и природа изменчивого бытия. Показано, что наука, которая претендует на самостоятельное и самодостаточное исследование своего объекта, так или иначе имеет дело с сообщением. Каждая наука является в какой-то мере коммуникативной наукой, поскольку рассматривает сообщение: как природное явление (естественно-научная мысль), как практическое общежитие людей (социальная мысль), как переписывание того, что значит быть человеком (гуманитарная мысль), как тягу повсюду быть дома (философская мысль). Отдельное внимание уделяется так называемой науке о коммуникации, задачу которой можно видеть в осмыслении любого объекта как сообщения всех наук: в идеале речь идет о попытке найти точку слияния физики и метафизики, т.е. «вспомнить все».

УДК 16(18 п.л.)
ББК 87.4

ISBN 978-5-98712-814-5

© С.Я. Левит, автор проекта «Humanitas», составитель серии, 2018
© И.Э. Клюканов, 2018
© Центр гуманитарных инициатив, 2018

Содержание

Глава 1

Искомое 5
Распускайтесь 100 цветов! 5
Кризис, который всегда с тобой 7
Что в имени? 18

Глава 2

Сообщение природы 24
Сообщение «ничьими словами» 24
Человек коммуницирующий как биологическое существо 26
Связь человека с Землей 35
Сообщение человека и природы 41
Шаг за горизонт 53

Глава 3

Практическое общежитие людей 59
Истоки: человек как «политическое животное» 59
Новое время: «человек инакомыслящий» 64
«Наше время»: сообщение как социальное явление 68
Наука о коммуникации как практическая наука 79

Глава 4

Note to Self 83
Человек как объект гуманитарной науки 83
Произведение человеческого духа 87
Понимание как «предсказание назад» 93
Сообщение: основные гуманитарные традиции 97
Сообщение как переписка 108

Глава 5

Тяга повсюду быть дома 112
Миролюбивая наука: критический взгляд 112
Не/весомость допущений 121
Монстрирование 126
Называемое неназываемое 129
Слушаться Вселенную 131
Про явления 141
Дар сообщения 144

Глава 6

Как вверху, так и внизу 150
Интеллектуальные добродетели 150
Причины бытия 155
Методы 158
Виды коммуникативной деятельности 162
Языковые явления 165
Наклонения/Модальности 168

Глава 7

Наука и жизнь, или Квадратура круга 178
Мысленное рассмотрение вещей: линия Платона 178
Решение «невозможной» задачи 191

Глава 8

Вспомнить Нельзя Забыть 197
Сообщение природы… 197
...как практическое общежитие людей 197
...как Note to Self 201
...как тяга повсюду быть дома 203
Практическое общежитие людей... 209
...как сообщение природы 209
...как Note to Self 212
...как тяга повсюду быть дома 213
Note to Self... 218
...как сообщение природы 218
...как тяга повсюду быть дома 229
Тяга повсюду быть дома... 233
...как сообщение природы 233
...как практическое общежитие людей 237
...Note to Self 242

Заключение:

Дом, видимый ниоткуда 245

Список литературы 252

Указатель имен. *Составитель И.И. Ремезова* 277

О сущем говорится в различных значениях.
(Метафизика, 7, 1028a10)

Глава 1
Искомое

Распускайтесь 100 цветов!

1.0

Как писал Дж. Гербнер в конце прошлого века, если бы Маркс был жив, то он озаглавил бы свой основной труд не «Капитал», а «Коммуникации» (Gerbner, 1983: 358). Разумеется, мы можем лишь строить предположения, чем бы занимался Маркс и что бы он писал – особенно сегодня: может, он стал бы советником Всемирного банка по вопросам макроэкономики и писал аналитические обзоры для совета директоров. А может, он стал бы заниматься философией и историей науки, продолжив идеи из своей третьей рукописи, где, в частности, говорится: «Вся история является подготовкой к тому, чтобы "человек" стал предметом *чувственного* сознания и чтобы потребность "человека как человека" стала [естественной, чувственной] потребностью. Сама история является *действительной* частью *истории природы,* становления природы человеком. Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет *одна* наука» (Маркс, 1974: 124). Мы не знаем, какая это была бы наука и как бы она называлась. Возможно, на основе этих идей Маркс и написал бы новый капитальный труд, но уже не «Капитал», а «Коммуникация» (в единственном числе). Впрочем, мы только можем строить предположения о том, что могло бы быть.

Если же обратиться к действительности, то можно с уверенностью сказать, что человек сегодня – не только *homo sapiens, homo oeconomicus, homo politicus, homo faber, homo ludens, homo significans* и т.д., но и – *homo communicans* или (реже) *homo communicatus*, или (еще реже) – *homo communicativus*. Впрочем, все три слова –

communicans, *communicatus* и *communicativus* – являются однокорневыми и однозначно свидетельствуют о том, как видится основная природа человека в XXI веке. Легко заметить, что сегодня «коммуникации» и «коммуникация» (а также их всевозможные производные) – одни из самых распространённых терминов в научном и учебном обиходе. Так, возникают все новые коммуникативные ассоциации; функционируют учебные заведения, непосредственно связанные с коммуникацией; существует множество кафедр, в названии которых так или иначе можно найти слово «коммуникация», ср.: кафедра коммуникации, кафедра коммуникативных исследований, кафедра коммуникативных искусств, кафедра коммуникативных наук, кафедра речевой коммуникации и т.д.; становится все больше научных журналов, посвящённых исследованию различных аспектов коммуникации; проводится все больше региональных, национальных и международных конференций, на которых обсуждаются всевозможные вопросы, связанные с коммуникацией; во многих институтах и университетах действуют коммуникативные лаборатории, в рамках которых проводятся всевозможные круглые столы, семинары, обсуждения и т.д. Не удивительно, что количество так называемых коммуникативных наук растет не по дням, а по часам: к ним причисляют риторику, стилистику, культуру речи, прагмалингвистику, массовую коммуникацию, межкультурную коммуникацию, политическую коммуникацию, медиакультуру, медиаэкологию, паблик рилейшнз, имиджелогию и т.д. Поистине пышными цветами расцветают все сто коммуникативных наук!

1.1

В то же время отмечают, что растущее количество коммуникативных исследований характеризуется своеобразным «синдромом серфинга» (Nordenstreng, 2007: 219). Конечно, можно в этом видеть легкость, с которой исследователи коммуникации скользят по волнам различных областей знания, теорий и тем (ср.: Alsina & Jiménez, 2010: 277). Чаще всего, однако, о данном синдроме говорят с нотками озабоченности, включая самого К. Норденстренга, который ввел этот термин; так, когда его попросили принять участие в опросе, который был проведен перед конференцией Международной Коммуникативной Ассоциации в Новом Орлеане (2004), то на вопрос, считает ли он разнообразие коммуникативных исследований их сильной или слабой стороной, ученый ответил: «И то и другое», добавив: «Главное, чтобы разнообразие не превратилось в вид серфинга» (Nordenstreng, 2007: 212), поскольку такие исследования лишены глубины (Nordenstreng, 2007: 219). Другой ученый – Сюзан

Хербст – предлагает свое метафорическое видение коммуникативных исследований. Она считает, что мы должны быть в состоянии идти по натянутому канату, будучи, с одной стороны, отрытыми любым новым идеям из разных дисциплин, а с другой стороны, образуя свою собственную область научного поиска под названием «коммуникация» (Herbst, 2008: 612).

В этих метафорах нельзя не отметить азарт и свободу как отличительные черты коммуникативных исследований: действительно, можно обратиться к любой области знания, теории, теме и – заскользить по волнам, и – пойти по натянутому канату. Но нельзя не обратить внимание и на то, что в данных метафорах присутствует своеобразная оторванность коммуникативных исследований от земли: ученые, образно выражаясь, скользят по воде и передвигаются в воздухе. Но не ходят по земле. Когда же они пытаются как бы сойти на землю, то оказывается, что коммуникативные исследования базируются то на идеях психологии, то на идеях социологии и т.д. (см.: Donsbach, 2006: 442) – и твердая почва так называемой коммуникативной науки уходит из-под ног.

Кризис, который всегда с тобой

2.0

Коммуникативные исследования часто представляют в виде междисциплинарной области знания. Например, Кэтрин Миллер называет состояние современной западной науки о коммуникации *здоровым эклектизмом* (см.: Матьяш, 2006). Следует отметить, однако, что *эклектизм* включает в себя понятия выбора и собирания, подразумевая не просто многообразие (например, различные корни науки о коммуникации), но – что очень важно! – их объединение во что-то одно, т.е. некую новую содержательную однородность. Именно это никак не удается осуществить применительно ко всему многообразию коммуникативных исследований; все чаще и чаще ученые говорят об их кризисном состоянии (Donsbach, 2006: 439; Leydesdorff, 2002: 129; Swanson, 1993: 163), причем кризис в области коммуникативных исследований «никак не исчезает» (Hall, 1989: 46).

Разумеется, в каких-то ситуациях, по словам У. Эко, «кризис хорошо продается» (Eco, 1986: 126): иногда те, кто говорят о кризисе, делают это по соображениям, которые сулят им личную выгоду и не относятся к существу дела. На кризис в области коммуникативных исследований, однако, обращают внимание прежде всего те, кого

интересуют философские проблемы коммуникации и кого нельзя упрекнуть в корысти: их деятельность по определению требует, чтобы собственные субъективные интересы отодвигались на задний план и все внимание обращалось на какой-то объект, который можно созерцать во всей его целостности. Поэтому, когда ученые-теоретики говорят о том, что не удаётся охватить взглядом все научные исследования коммуникации как единое целое, которое характеризовалось бы внутренней упорядоченностью, к этому нельзя не прислушаться.

2.1

Когда речь заходит о кризисе, нельзя не вспомнить о кризисе европейских наук, который сложился к началу XX века, поскольку были забыты смысловой фундамент науки и роль человека в получении и организации знаний. Как известно, наиболее четко обозначил этот кризис Э. Гуссерль, выступив не против науки как таковой или же объяснительного потенциала теоретического знания, а против попыток представить реальность человеческого бытия в виде оторванных от жизни фактов естествознания и математических формул. Э. Гуссерль также наиболее последовательно разработал метод трансцендентальной феноменологии как способ преодоления данного кризиса. В основу своего учения он положил «принцип всех принципов» («принцип самоданности»), согласно которому источником познания следует считать все то, что дается нам в интуиции, и так, как дается, а не в каких-то опосредованных формах. Лишь феноменология, с этой точки зрения, способна проникнутьв суть природы человеческих знаний, представив ее в виде значимых интенциональностей.

Э. Гуссерль стремился преодолеть позитивизм и построить чистую науку, вынося за скобки при этом всю сферу человеческих интересов, идеологий, бюрократических структур и т.д. Именно на эти явления (погруженные в ткань общества и культуры) обращают внимание другие мыслители, которые также пытаются установить источник кризиса и предложить свои подходы к формированию и функционированию знания.

Так, М. Фуко рассматривает науку в виде различных дискурсивных формаций и эпистем. С этой точки зрения человек предстает как создание языка (дискурса), причем создание недавнее, появившееся в результате эпистемологического перелома лишь два века назад: именно «в глубине этого археологического изменения появляется человек в его двусмысленном положении познаваемого объекта и познающего субъекта; разом и властитель, и подданный, наблюда-

тель и наблюдаемый» (Фуко, 1994: 333–334). Такое двусмысленное положение человека, которое М. Фуко вскрывает при помощи своего метода «археологии знаний», определяет и особый статус гуманитарных наук, о которых он говорит лишь в кавычках, поскольку их границы постоянно стираются. Более того: ему «приносит глубокое успокоение мысль о том, что человек – всего лишь... малый холмик в поле нашего знания, и что он исчезнет, как только оно примет новую форму» (1994: 14). Трудно сказать, утешает ли кого эта мысль так же, как она утешает самого М. Фуко, но нет сомнения в том, что он предложил свое видение природы «добывания» знаний, которое до сих пор является частью научного дискурса и прежде всего – в области «гуманитарных наук».

Еще один взгляд на то, как формируется знание (и может ли оно вообще претендовать на объективность), мы находим в работах Ю. Хабермаса, который пытается установить связь между познанием, языком и действием. Этот научный взгляд называется по-разному: трансцендентальной антропологией, эволюционной эпистемологией, критическим, рефлексивным, дискурсивным или (чаще всего) методом коммуникативного действия. Суть данного взгляда сводится к выяснению того, как преодолеть кризис современной общественной жизни путем применения эволюционной эпистемологии к изучению форм социальной коммуникации.

Все три подхода – феноменология Э. Гуссерля, археология знаний М. Фуко и коммуникативное действие Ю. Хабермаса – направлены на преодоление кризиса как результата некой аномалии, которая не укладывается в рамки нормальной науки, поскольку существующие основополагающие теории не могут дать ей адекватного объяснения. Именно в этом заключается (эпистемологическая) ценность данных подходов, каждый из которых соотносится с природой знания в тех или иных науках: естественных (феноменология), гуманитарных (археология знаний) и социальных (коммуникативное действие). Иными словами, каждый из этих подходов представляет собой попытку переосмысления некой научной области, которая имеет четкое обозначение.

2.2

Если же мы посмотрим на кризис так называемой коммуникативной науки, то увидим, что здесь ситуация иная. Иногда особый характер данной ситуации объясняют тем, что это якобы еще молодая наука, а накопленный ею материал является чрезвычайно обширным: по выражению Дж. Питерса, у нее «слишком много географии и слишком мало истории» (Peters, 2012: 500). История

ее изучения, однако, уходит своими корнями по крайней мере к «Риторике» Аристотеля, т.е. насчитывает несколько тысячелетий, а географии, кажется, становится все меньше и меньше в результате глобализации и новых электронных технологий. Может быть, кризис заключается как раз в том, что у нее слишком мало географии и слишком много истории (вернее – историй)? Например, в рамках коммуникативных исследований часто выделяют «речевую историю», «журналистскую историю» и собственно «коммуникативную историю»: к первой относят преимущественно риторические исследования; ко второй – работы в области массовой коммуникации; а к третьей – исследования коммуникативных явлений, в которых преобладают социологические, социополитические и социопсихологические идеи (Eadie, 2011). По мере того, однако, как растет количество историй так называемой коммуникативной науки, ее облик не столько проступает и оформляется, сколько, пользуясь знаменитым словом из эпиграммы М. Светлова, «изувековечивается».

В этой связи нельзя не вспомнить об известных идеях Т. Куна (1962), который разработал понятие научных революций, обратившись именно к истории науки. Согласно Т. Куну, по мере накопления неких аномалий, которые не укладываются в рамки так называемой нормальной науки, поскольку не могут получить адекватного объяснения при помощи существующей основополагающей теории, возникает кризис, и происходит научная революция в виде перехода от одной парадигмы к другой. В результате кризиса и последующей научной революции мы начинаем по-новому смотреть на мир. Таким образом, Т. Куна больше интересовал не столько научный прогресс, сколько научный исторический процесс, т.е. не постепенное движение к чему-то, а ряд революционных скачков. Известно, что тезис Т. Куна о несоизмеримости научных парадигм критиковался представителями эволюционной эпистемологии.

Показательно, что в своей ранней книге «Коперниканская революция» (Kuhn, 1957) Т. Кун «в основном использует термин “традиция” и лишь один раз вводит термин “парадигма” для обозначения новой теоретической модели гелиоцентрической системы. Термин “традиция” всегда нес в себе привкус чего-то исторического, одновременно развивающегося и сохраняющегося» (Ракитов, 2003: 131). Позднее – применительно к наукам физической и естественной направленности – Т. Кун стал говорить о «парадигмах». Этот термин стал популярен в социальных и гуманитарных науках: так, говоря о научном осмыслении коммуника-

ции, чаще всего говорят о разных парадигмах – позитивистской и гуманистической, эмпирической и интерпретативной, научной и гуманистической, позитивистской и феноменологической и т.д.

2.2.1

При этом трудно выделить одну основную парадигму, эвристический потенциал которой мог бы обеспечить объяснение новых явлений. В этом видят основное различие между естественными науками, где можно говорить о революциях и смене парадигм, и социально-гуманитарными науками, к которым принято относить так называемую науку о коммуникации и в которых о парадигмах следует говорить не в смысле идей Т. Куна, а как о различных теоретических взглядах на объект исследования. Указывают, например, что в так называемой науке о коммуникации одновременно существует множество парадигм, каждая из которых по-своему стимулирует различные исследования (Laskin, 2017). Кроме того, трудно найти основания так называемой коммуникативной науки, которые всеми безоговорочно принимаются: даже такие претенденты, как риторическая теория Аристотеля или информационная теория К. Шеннона и У. Уивера, не свободны от критики.

Показательно, что в коммуникативных исследованиях мы находим большое количество различных поворотов, ср.: «поворот в сторону социальной эпистемологии» (Anderson & Baym, 2004), «постмодернистский поворот» (Anderson & Baym, 2004), «интерпретативный поворот» (Anderson, 1996), «критический поворот» (Craig, 1999), «культурный поворот» (Bonnel & Hunt, 1999), «рефлексивный поворот» (Myers, 2001), «лингвистический поворот» (Leydesdorff, 2002), «дискурсивный поворот» (Angus, 1998) и «натуралистский поворот» (Russill, 2005). Ученые говорят о поворотах «с самыми разными эпитетами: лингвистический, дискурсивный, иконический, визуальный, перцептивный и пр.» (Кудряшова, 2008: 174). Следует отметить, что «поворот» – не то же самое, что «переворот»: не случайно термин «революция» часто употребляется применительно к природе самой коммуникации (как правило, в виде очередных новых информационных технологий), но не к осмыслению ее природы. Если вспомнить, что «кризис» восходит через латинский язык к древнегреческому κρίνω и означает «переломный момент в протекании болезни», то ситуацию с многочисленными поворотами можно увидеть и в медицинском свете, метафорически представив так называемую науку о коммуникации в виде больного, который постоянно ворочается и никак не найдёт себе места.

2.2.2

Таким образом, в науке о коммуникации все системы взглядов, которые считаются «парадигмами», на самом деле сосуществуют. Нельзя выделить аномалию, которая требует нового решения, не возможного с существующих теоретических позиций; соответственно, нельзя говорить ни о какой «смене парадигм». Кроме того, трудно говорить о границах научного сообщества, к которому причисляли бы себя все исследователи коммуникации. Известно, что, по Т. Куну, именно научное сообщество принимает определенную совокупность знаний и методов решения проблем: без него нельзя говорить ни о каких парадигмах. Так называемая наука о коммуникации в этом смысле вряд ли обладает характером нормальной науки (ср. Laskin, 2017): трудно представить, какая тема так или иначе не относилась бы к коммуникации. Не случайно в коммуникативных ассоциациях становится все больше и больше подразделений и групп по интересам, а количество участников конференций ограничивается, кажется, лишь размерами залов для заседаний. Данную ситуацию нельзя считать нормальной (по Т. Куну): иными словами, так называемая коммуникативная наука не прошла стадию нормальной науки и отсюда – ее перманентный кризис.

Итак, в коммуникативных исследованиях сосуществуют различные «парадигмы», а точнее, различные теории и традиции. Отмечают, что «современный период развития многих научных систем характеризуется столь быстрой сменой концептуальных моделей, теоретических структур, изменением проблемных полей и установлением самых неожиданных и неправдоподобных с точки зрения классической науки связей, что понятие допарадигмального или, лучше сказать, межпарадигмального состояния лишается смысла. По мнению некоторых исследователей, многие современные науки развиваются в форме перманентной революции или серии микрореволюций, когда инновации превращаются почти в сплошной поток, но при этом сами парадигматические структуры исчезают или становятся неустойчивыми... Здесь важно подчеркнуть, что своего рода научное междуцарствие напоминает допарадигмальный период развития науки» (Ракитов, 2003: 131). Кажется, данные слова можно отнести и к так называемой науке о коммуникации. Действительно, можно каждое очередное исследование объявлять революционным, но в этом вряд ли есть смысл, если при этом не возникают некие устойчивые парадигматические структуры как образцы познания, которые могут быть использованы в дальнейшей (нормальной) исследовательской деятельности. Подобные устой-

чивые структуры должны именно возникать, т.е. образовываться в процессе деятельности, которая носит эволюционный характер. Следует помнить, что «эволюция мерит свое время крупно – периодами, эпохами, у нее спокойная величественная поступь..; у истории другой, более дробный и частый ритм, у истории нервная поступь; современные (неглубокие) “историки истории” мерят ее бесконечными “переворотами” и “революциями”, между которыми они оставляют место для “парадигм”. Эволюция ведет к великой цели, не к очередной “революции”, а к какой-то “удаче эволюции”» (Степанов, 2004: 49). Формирование особой науки о коммуникации должно стать именно такой «удачей эволюции».

Предлагают различать системы научного знания монодисциплинарного характера, которые правомерно обсуждать в терминах парадигм (по Т. Куну), и теми науками, которые имеют синтагматический системообразующий принцип, используемый для решения обширного класса теоретических и практических задач. При этом отмечается, что синтагматически построенные системы знаний не отрицают, а дополняют классические монодисциплинарные системы, функционирующие в рамках определенной парадигмы. Отмечают, что синтагматические системы призваны отвечать на такие запросы науки, как ее задачность (разработка определенных мер, которые требуют различных по происхождению и содержанию знаний), конструктивность (наука не только объясняет, но и проектирует нечто) и технологичность (система действий) (Ракитов, 2003). Так называемая наука о коммуникации, как кажется, хорошо согласуется с синтагматическим системообразующим принципом. При этом, однако, следует отметить, что подобный взгляд не столько противоречит, сколько противопоставлен идеям Т. Куна; оба подхода имеют эпистемологическую направленность, т.е. рассматривают прежде всего структуру, функционирование и развитие знания. Не случайно запросы науки, о которых только что шла речь, предстают в довольно технологичном виде: акцент делается на том, как конструируется знание, а не на том, какова сущность этого знания, т.е. каково то неотъемлемое качество, без которого предмет невозможно мыслить. Иными словами, речь идет о том, как структурируется и изменяется некая область знаний, а не о том, что она собой представляет.

3.0

Итак, ситуация с так называемой коммуникативной наукой является кризисной. Не удивительно, что мы слышим призывы не только к многообразию взглядов, но и к их единству: в каче-

стве примера можно привести статью М. Станфилла скраснореча вым названием: *Finding Birds of a Feather: Multiple Memberships and Diversity Without Divisiveness in Communication Research* (Stanfill, 2012). Подобно тому как птицы ищут подобных себе по оперенью, автор призывает ученых стремиться к многообразию, которое не разделяет, а, наоборот, сближает. Интересно, что русский эквивалент данной английской пословицы – *Рыбак рыбака видит издалека* – подчеркивает, скорее, не совместность деятельности («полета»), а признание совместных интересов, причем те, кто разделяет эти интересы, остаются как бы на расстоянии друг от друга («вдалеке»). Английское метафорическое выражение возникло для обозначения тех ситуаций, когда грозит какая-то опасность и необходимо «сбиться в стаю». Подобная опасность подстерегает нас на протяжении всей жизни: так, в «Государстве» Платона это выражение применяется к людям определенного возраста, которые собираются и «с сокрушением вспоминают вожделенные удовольствия юности» (Платон, 1971: 101): очевидно, лишь не забывая их, можно продолжать жить в той или иной «стае».

Иногда мы слышим также заявления о «центральности» коммуникативных исследований (Morreale et al., 2000) и о том, что коммуникативная парадигма в социальном познании определяет «движение современной мысли вообще» (Фарман, 2005: 229). Такие заявления вполне понятны, поскольку на центральное научное место всегда есть претенденты, например, семиотика и кибернетика. Отмечают, однако, что семиотика изучает преимущественно знаковое воплощение коммуникативных процессов, но не их содержание (см.: Мечковская, 2004: 14); ограниченность же кибернетики отмечалась неоднократно. Делаются попытки объединить научный потенциал этих дисциплин: так, разрабатывается «новая кибернетика» – «фундаментальная наука об общих законах и моделях информационного взаимодействия и влияния в процессах и явлениях, протекающих в живой, неживой и искусственной природе» (Теслер, 2005: 3); выдвигается также киберсемиотика как трансдициплинарная теория информации, мышления, коммуникации и сознания (Brier, 2013).

3.1

Впрочем, так называемой науке о коммуникации вряд ли грозит какая-то опасность со стороны кибернетики или семиотики; ее основная проблема является внутренней и заключается в необходимости и неспособности справиться со своим собственным наследием (ср. Shepherd, 1993). Когда собираются ученые, изучающие комму-

никацию, трудно сказать, что их объединяет: не случайно коммуникативные исследования сравнивают с банкетом, где каждый сам платит за свои собственные напитки («a no host bar») (LeBaron, 2003: 10). Свобода выбора и действий здесь является несомненной; но в такой ситуации гораздо труднее всем вместе устроить настоящий пир, подобно мудрецам-философам из знаменитого диалога Платона, в котором они размышляют на тему любви (и размышления их носят довольно трезвый характер). Какого блага жаждут ученые, исследуя коммуникацию и публикуя статью за статьей, книгу за книгой? К чему они стремятся, собираясь на свои научные конференции? Что движет светила(ми) коммуникативных исследований?

Ученых, кажется, больше интересует вопрос, «являемся ли мы достаточно смелыми, чтобы повести за собой постдициплинарную мысль?» (Herbst, 2008: 613). Между тем одной смелости вряд ли достаточно. К тому же смелость, как всякая добродетель, это нечто среднее: в данном случае – средний путь между трусостью и ухарством. Смелость – это не отсутствие страха, а умение им разумно управлять. Иными словами, страх – неотъемлемая часть осторожного обдумывания, осмотрительного взвешивания, особенно когда кажется, почва уходит из-под ног при каждом шаге.

Можно вспомнить, что феноменология, пытаясь преодолеть кризис наук о человеке, обратилась к субъективным переживаниям самих людей, т.е. устремилась «назад к самим вещам» как к тому фундаменту, на котором основана сама наука. Иными словами, она попыталась выявить, как по-иному исследовать тот жизненный мир, который легко забыть, превратив его в неживые факты и формулы, но который нельзя забывать, вернее – который надо постоянно не забывать, а еще вернее – не забывать (ср. английские слова not to forget и unforget). Именно такой жизненный мир, согласно Э. Гуссерлю, выступает той почвой, откуда произрастают научные знания. Не случайно Ж. Делёз и Ф. Гваттари вспоминают Э. Гуссерля, когда говорят о необходимости того, «чтобы у мысли была почва, которая бы наподобие земли не двигалась и не покоилась, как первичная интуиция» (Делёз и Гваттари, 1998: 110). Для них «мысль – это не нить, натянутая между субъектом и объектом, и не вращение первого вокруг второго. Мысль осуществляется скорее через соотношение территории и земли... Мыслить – значит развертывать план имманенции, который поглощает (не “абсорбирует”, а скорее “адсорбирует”) землю» (Делёз и Гваттари, 1998: 110, 115). Необходимо, таким образом, попытаться выявить тот мир, который составляет истинный фундамент научного осмысления коммуникации. Какова та земля, та почва, на/из которой может развертывать-

ся территория коммуникативных исследований и на которой может твердо стоять ученый?

Можно провести параллель между тем, как возникают подобные образования, и высказыванием М. Хайдеггера о том, как язык размечает («разбивает») бытие подобно человеку «разбивающему сад» и ухаживающему за ним (1993: 264). Комментируя это высказывание М. Хайдеггера, В. Бибихин пишет: «Мы даем земле быть тем, чем ей свойственно быть по природе. Если хотите, мы “истолковываем” при этом землю... Язык как разбивка мира дает миру быть тем, что он есть в своей истине», причем «...истолкование как разбиение... не исключает возможности других истолкований» (Бибихин, 1992: 97). Можно сказать, что земля произрастает («разбивается», «истолковывается», «ухаживается») различными садами и что бытие выражается на разных языках (например, языках науки). Главное, чтобы эти сады были живыми образованиями, а не застывшими территориями. Научный сад, который вырастает и растет, казалось бы, на голом пустыре, на самом деле – всегда плод заботы не одного садовника, а «общества садоводов», т.е. определенного научного сообщества, которое, разумеется, может быть разъединено и в пространстве, и во времени, но не в самом процессе истолкования.

3.2

Корни «кризиса» можно понять более глубоко, если обратиться к значению «отделять», которое мы находим в древнегреческом слове κρίνω («кризис»). Отмечают, например, что существует кризис в философии, который проявляется в трех формах: во-первых, мы наблюдаем отделение философов с их мета-рассуждениями от общей культуры; во-вторых, мы видим, как философы отделены друг от друга; и, в-третьих, предлагают говорить об отделении философов от самой философии (McCumber, 2013). Как видим, получается довольно мрачная картина полной разобщенности, т.е. отделения философов от всех и от всего, включая самих себя. «Отделение», однако, можно понимать не только в смысле полного отчуждения; «быть отдельным» – значит еще «быть отличным», «отличаться от других»: в английском языке эти разные значения передаются словами «to divide, to disconnect, to set apart» и «to distinguish». Учитывая данное различие, можно лучше понять природу кризиса, которая заключается в неспособности так называемой коммуникативной науки отделить, т.е. отличить себя от остальных. Именно о такой болезни (сумасшествии) писал М. Фуко, когда говорил, что потеря разума, порядка, языка сводится к восприятию только похожестей, т.е. по сути потере (а вернее – ненахождении) собственной иден-

тичности. Именно такой диагноз можно поставить так называемой науке о коммуникации, если метафорически представить ее в виде больного, который не может осознать границы своего «я».

В этом свете следует рассматривать многие попытки осмысления коммуникации, которые являются внутренне противоречивыми. Например, мы читаем следующее: «говоря о науке о коммуникации, приходится признать, что несмотря на мощное развитие и глобализацию коммуникационных процессов, все увеличивающееся число публикаций по данной проблеме, науки о коммуникации как определенной области знания пока не существует... Объект, предмет, теории имеются, а науки нет» (Василик, 2004: 5). Как могут существовать объект, предмет и теории коммуникации, если самой науки о коммуникации не существует?!

Указывают также, что наука о коммуникации «способна трансформировать благодаря междисциплинарному видению коммуникативных практик не только предметные и дискурсные поля существующих научных дисциплин... но и саму практику междисциплинарного исследования, обогатив ее новыми способами когнитивного взаимодействия и введя новые параметры интеллектуального диалога» (Василькова, 2004: 88). В этом плане так называемую науку о коммуникации предлагают рассматривать как «интердисциплину». Кроме того, для ее обозначения предлагаются такие термины, как «интегративная наука», которая использует теории и методы других дисциплин при осмыслении своего объекта, и «синоптическая наука», которая создает свою предметную область на основе знаний из других дисциплин (Donsbach, 2006: 439). Отмечают, однако, что подобные обозначения являются онтологически и эпистемологически проблематичными (Kane, 2016: 94). В этом же свете следует рассматривать и заявления о постдисциплинарном характере так называемой коммуникативной науки. Например, делая акцент на пористости и подвижности дисциплинарных границ и, соответственно, интеллектуальной свободе и открытости, утверждают, что «мы были постдисциплинарными даже до того, как сам этот термин вошел в научный обиход» (Herbst, 2008: 607).

Нет никакого сомнения в том, что у ученых есть желание и смелость обратить многодисциплинарность коммуникативных исследований в свою пользу и двигаться в одном направлении; при этом отмечают, что подобное движение требует привлечения «не только социально-коммуникационных, но и естественно-научных и научно-технических знаний» (Василик, 2006: 19). Тем не менее «возникает вопрос: не слишком ли обширен перечень дисциплин (от технических до гуманитарных), необходимых для характеристики

одного научного направления?» (Гойхман, 2012: 5). Для того чтобы попытаться ответить на этот вопрос, не достаточно одного желания, одной смелости: необходимо более пристально и более взвешенно осмыслить свое место в системе знания и различных практик. Иными словами, необходимо определить сущность так называемой науки о коммуникации, обозначив ее предел, за которым начинаются уже другие науки. Образно говоря, больной должен перестать постоянно ворочаться, найдя, наконец, свое место и успокоившись. Только так можно вернуться к себе, т.е. выздороветь (английский глагол «to recover» хорошо передает оба эти значения). Таким образом, кризис так называемой науки о коммуникации состоит в том, что она не в состоянии ответить на самый главный вопрос: «Кто я?» Иначе говоря, данный кризис – это кризис идентичности. С предельной ясностью и откровенностью это выразил В. Донсбах, президент (2004–2005) Международной коммуникативной ассоциации: «У нас нет четкой идентичности» (Donsbach, 2006: 439). Более того, он добавил, что данный кризис существует столько же, сколько существуют в академии попытки теоретического осмысления коммуникации (Donsbach, 2006: 439). Иными словами, подобный кризис – это не отдельное и временное, а системное явление. Совсем недавно Дж. Пули признал, что у теоретического осмысления коммуникации нет никакого «флагманского корабля», потому что не существует никакой четкой и последовательной коммуникативной дисциплины (Pooley, 2015). Иногда попытки теоретического осмысления коммуникации paradig называют «полу-подпольной наукой» (Kashkin, 2014). Не удивительно, что кризис так называемой коммуникативной науки – это и кризис (ее) легитимитизации (Peters, 1993: 133): действительно, как можно признать то, чего нет?

Что в имени?

3.3

Итак, теперь мы понимаем, чем отличается данный кризис от кризиса наук, который пытались разрешить Э. Гуссерль, М. Фуко и Ю. Хабермас. В последнем случае кризис носит эпистемологический характер: речь идет о необходимости переосмысления того объекта знаний, который уже существует (в виде естественной, гуманитарной и социальной науки). В первом же случае кризис носит онтологический характер: речь идет об осмыслении (идентификации) того, что может стать объектом знаний. Не случайно в последнем случае каждый объект уже имеет свое обозначение, тогда как

в первом случае его еще надо означить, т.е. определить, осмыслить (не *пере*осмыслить!), без чего невозможно произвести обозначение. Дж. Кэри, например, задается вопросом, к чему мы можем обратиться, чтобы по-новому посмотреть на коммуникацию (Carey, 1989: 23). Между тем необходимо прежде всего просто «посмотреть на коммуникацию», (онтологически) осмыслив ее сущность, а потом уже, если необходимо, (эпистемологически) посмотрев на нее «по-новому».

Именно поэтому постоянно ведутся споры о том, как называть то, что объединяет в себе многообразие коммуникативных исследований. Отмечая важность подобного обозначения, указывают, что «этот вопрос стоит еще раз обсудить, но не хотелось бы, чтобы споры о названии и предмете заслонили сущность проблемы, которая заключается в том, что ВАК должен признать существование этой науки и обеспечить возможность защищать диссертации по этому направлению в специализированных ученых советах» (Дзялошинский, 2017). Нельзя, конечно, без сочувствия относиться к таким высказываниям; между тем признание данной науки (в том числе ВАКом) произойдет, если сначала она будет четко определена. Необходимо как раз сначала установить сущность науки о коммуникации, т.е. набор существенных признаков, без которых ее нельзя мыслить, а потом уже предлагать ее обозначение.

3.3.1

Данная задача осложняется уже существованием двух терминов – «коммуникация» и «общение» (см.: Klyukanov & Leontovich, 2016: 30–31). Иногда можно даже встретить словосочетание «коммуникативное общение», под которым понимается «процесс приобретения знаний путем интерпретации информационных сообщений» (Переверзев, 2002: 128). Для некоторых ученых «термины “общение” и “коммуникация” являются в принципе синонимичными, а использование разных терминов продиктовано соображениями скорее стилистическими, нежели содержательными» (Красных, 2003: 75). Когда же между этими терминами проводится различие, то под первым обычно понимается процесс передачи информации, а под последним обычно понимают процесс (чаще) межличностного и (реже) социального взаимодействия. Так, отмечают, что термин «коммуникация» «используется для обозначения средств связи любых объектов материального и духовного мира... а также передачи и обмена информацией в обществе с целью воздействия на социальные процессы», тогда как «общение» «рассматривается как межличностное взаимодействие людей при обмене информаци-

ей познавательного или аффектно-оценочного характера» (Грушевицкая, Попков, Садохин, 2003: 99). Чем более расширяется контекст и чем более опосредованным становится взаимодействие, тем более употребительным в подобных ситуациях становится термин «коммуникация»; «в предельном понимании коммуникация –... означает любые связи и отношения в окружающем мире, пронизывающие весь Универсум» (Грачев, 2011: 230–231). В схожем ключе к общению относят субъект-субъектные отношения, которые заключаются в обмене мыслями и переживаниями различных индивидов и групп, а к коммуникации – объект-объектные отношения, которые складываются между различными материальными системами. При этом отмечают, что «сложность разведения коммуникативных субъект-субъектных и объект-объектных отношений гносеологически обусловлена тем, что они не существуют вне деятельности людей» (Булычёв и Кирюшин, 2011: 101). Именно потому, что нельзя отделить себя от общения, нельзя, как представляется, образовать производное от слова «общение», дав обозначение ее научному осмыслению: любые обозначения, образованные от слова «общение», оказываются плохо оформленными и поэтому не пригодными, ср.: «общениевединие», «общениевистика», «общениеведение», «общениелогия». Ситуация с производными от слова «коммуникация» является иной: ср.: прилагательные «коммуникативный» и «коммуникационный», а также такие обозначения ее научного осмысления, как «коммуникативистика» или «коммуникология». При этом обозначение «коммуникативистика» является более распространенным, поскольку суффикс «-истик-», который передает значение совокупности явлений (ср.: «афористика», «юмористика»), лучше подходит для обозначения разнообразных исследований, составляющих некую научную совокупность.

Впрочем, нельзя не заметить ряд проблем с обозначением «коммуникативистика», несмотря на его распространенность. Во-первых, следует иметь в виду, что данный термин является более распространенным, то есть не единственным и, соответственно, не общепринятым. Во-вторых, данное обозначение по определению исключает осмысление общения. И в-третьих, данный термин, по сути, говорит лишь о том, что «коммуникативистика» изучает коммуникацию (подобным образом можно посмотреть и на названия других социально-гуманитарных наук: например, обществоведение изучает общество, психология – психику, языкознание – язык и т.д.). Между тем должна существовать как бы некая дистанциямежду обозначением и (осмысленным, означенным) объектом; таким образом, можно видеть не только то, что есть объект, но и

то, что он собой представляет (как бы представая перед ученым как субъектом). Так, объект физики – это не физика, а материя в виде вещества и полей и наиболее общие формы её движения, а также фундаментальные взаимодействия природы, управляющие движением материи; объект биологии – это не биология, а живые существа и их взаимодействие с окружающей средой, и т.д. В отличие от этих наук, статус которых никем не подвергается сомнению, научное осмысление коммуникации и общения не имеет общепризнанного обозначения: именно поэтому приходится говорить о «так называемой» науке о коммуникации. Если/когда коммуникация и общение будут осмыслены как отдельный объект и обозначены именем, которое станет общепризнанным, можно будет говорить об отдельной науке, и «так называемой» отпадет само собой.

3.3.2

Важность обозначения трудно переоценить. При обозначении проявляется эйдетический момент имени, «или момент оформления вещи, очертания ее, момент обрисовки контура, момент явленного смысла» (Лосев, 1993: 93). По смыслу имени мы находим сам предмет обозначения (денотат): зная, например, что означает «экскурсовод», мы находим человека в толпе (Степанов, 2004). Так называемую науку о коммуникации, к сожалению, нельзя найти так же легко, как мы находим в толпе экскурсовода: она пока никак не выделяется, сливаясь со всем/и, что/кто нас окружает. Например, Г. Шеперд (Shepherd, 1993) приводит пример того, что могли бы сказать о стуле представители разных научных дисциплин: «Какой прочный!» (физик), «Какой естественный!» (биолог), «Какой красивый!» (художник, т.е. по сути художественный критик) и «Какой дорогой?», т.е. «Сколько стоит?» (экономист). О «коммуникативной науке» в статье нет речи, поскольку ей нечего сказать.

Легче всего было бы сразу отказать осмыслению коммуникации и общения в особом научном статусе, раз сами ученые признаются, что у них нет четкой идентичности. Будем, однако, исходить из того, что «науки о коммуникации как определенной области знания *пока* не существует» (Василик, 2004: 5; курсив мой. – *И. К.*). Будем рассматривать все исследования коммуникации и общения в качестве научных штудий, т.е. усердной деятельности, которая, возможно, увенчается успехом – созданием особой «науки о коммуникации». Будем исходить из того, что ученый-коммуникативист мог бы сказать по поводу стула в вышеприведенном примере (как, впрочем, и всего остального) «Какой сообщий, т.е. признаваемый предметом сообщения!». Сообщение относится как к коммуникации, так и к

общению, поэтому в дальнейшем мы чаще всего будем говорить о научном осмыслении сообщения.

Сообщение прежде всего понимается как передаваемая информация, которую (в идеале) можно измерить и передать через канал связи: в этом смысле акцент делается на субстанциональной части сообщения, ср. англ. существительное «message». В то же время сообщение – это и сам процесс создания, посылания и интерпретации информации, что подчеркивает оригинальное значение слова «message», которое заключается в его корне «smeit» – «бросать», «отпускать» (Morris, 1986: 1541). Соответственно, осмысление коммуникации должно включать в себя такие понятия, как риск, вера, возможность неудачи. Когда акцентируют внимание на том, что слово «коммуникация» происходит от латинского «commūnicāre» – «делать общим», то, как представляется, часто интерпретируют это преимущественно в положительном смысле, подразумевая под коммуникацией необходимость и принципиальную возможность преодоления различий ради чего-то общего. Однако нельзя забывать, что «делать общим» имеет нейтральное значение, и сообщение покрывает, например, не только обмен любезностями или ресурсами для создания совместного (общего) предприятия, но и, например, обмен грубостями, болезнями (ср. заразные заболевания). Об этой стороне коммуникации напоминает греческий корень коммуникации «koinoo», который означает не только «делать общим», но и «загрязнять» (Morris, 1986: 248). Иначе говоря, сообщаясь, мы принимаем сосуществование Другого и посылаем ему месседж, открывая дверь непредсказуемому, рискуя подвергнуть себя и его загрязнению, опасности.

3.3.3

Итак, о разрешении кризиса можно будет говорить, если наука о коммуникации перестанет быть «так называемой» и найдет свое место среди других наук (и, соответственно, свое обозначение), отличаясь от них и в то же время будучи частью общего научного знания. В этом плане необходимо отметить, что «кризис» своими корнями не только уходит к древнегреческому *krinein* в значении «отделять» и не только означает «переломный момент в протекании болезни»: любое лечение, любое отличение – это всегда еще и суждение, решение. Иными словами, «кризис продуцирует проблему, кризис (....разрешение, рассмотрение, суд, по-древнегречески) и даёт средства для разрешения проблемы)» (Пешков, 1998: 131). Это должно относиться и к кризису так называемой науки о коммуникации:

иначе следует признать, что ей нечего решать и что её решения не являются ни для чего и ни для кого значимыми.

При этом кризис нельзя непосредственно отождествлять с возможностью: такая интерпретация понятия «кризис» довольно популярна и, как правило, упоминается в связи с китайским символом wēijī, значение которого включает в себя «опасность» и «возможность». Между тем, как указывают специалисты (см.: Mair, 2009), wēi действительно означает «опасность»; однако jī означает не «возможность», а «зарождающийся решающий момент». Это тревожное время, а не удачное стечение обстоятельств, представляющее некую возможность, которую следует приветствовать: напротив, в такие моменты надо быть особенно внимательным. Кризис, как было отмечено выше, это «критический момент в протекании болезни», и исход кризиса может быть неблагоприятным.

Сложная природа кризиса заключается ещё и в том, что его преодоление нельзя рассматривать как результат инструментальных действий. Принято говорить, что кризисы требуют решительных действий (решения): например, сегодня все чаще говорят о «кризис-менеджменте» как о своеобразной технике, позволяющей брать контроль над происходящим. Между тем кризис не столько решается, сколько разрешается; иными словами, когда речь идёт о преодолении кризиса, следует говорить не столько о вынесении решения по какому-то поводу, сколько о нашем участии в проявлении чего-либо.

Итак, многочисленные научные исследования сообщения пытаются объединить в одну «коммуникативную науку», определив ее объект и дав ей обозначение, которое стало бы общепризнанным. Эти попытки, однако, никак не могут увенчаться успехом, несмотря на растущее количество исследований, в связи с чем ученые говорят о кризисе идентичности и, соответственно, кризисе легитимизации. Именно идентичность, как целостность самотождества и исторической непрерывности, ищут и не могут найти учёные. Таким образом, наука, которая объединила бы в себе осмысление коммуникации и общения, представляет собой «искомое»: ИСследования, КОММуникация, ОбщениЕ. На поиск этого «искомого» и направлены последующие главы.

Глава 2
Сообщение природы

Сообщение «ничьими словами»

1.0

Научное осмысление сообщения, как правило, ведется в рамках социально-гуманитарного знания, привлекая к себе внимание социологов, политологов, культурологов, психологов, педагогов, историков, лингвистов и т.д. Отмечается, что при осмыслении сообщения ученые иногда обращались – преимущественно в поисках различных метафор – и к потенциалу естественных наук (Peters, 2003: 398–399). Потребность в использовании подобного потенциала применительно к информационно-коммуникативным процессам, как указывают, ощущается сегодня особенно остро, поскольку возрастают требования к объективности научных исследований. Часто забывают, что так называемые «новые медиа» являются на самом деле старыми, поскольку уходят корнями к действию природных стихий: об этом напоминает Дж. Питерс в своей книге под названием «Чудесные облака: К истории стихийных медиа» (Peters, 2015), показывая, что именно природа (например, небо) представляет собой инфраструктуру сообщения. В этом плане онтология, по его словам, это «забытая инфраструктура» (Peters, 2015: 38). Интересно проследить, как осмысление сообщения ведется с точки зрения самих естественных наук. Для этого необходимо хотя бы кратко рассмотреть, что представляет собой естественная наука.

1.1

Объектом исследования в естественных науках считается природа, включая человека как ее (физико-биологическую) часть. Понятие «природа» является многозначным, уходя корнями к древнегреческому термину «фюсис» (φύσις), который означает как любые вещи, характеризующиеся (по)рождением и ростом, так и любые события, охватывающие людей и богов, растения и животных.

Древнегреческих мыслителей, которые пытались осмыслить природу как фюсис, называли фисиологами или натурфилософами. При этом следует помнить, что фисиологи обращали основное внимание на субстанциональные основания природы (естественные свойства вещей), тогда как подход натурфилософов к природе был более умозрительным.

В Новое время природа обозначается уже не древнегреческим термином «фюсис» (φύσις), а латинским «natura», и именно с этого времени природа становится объектом естествознания как науки. В это же время возникает Лондонское Королевское Общество по Развитию Знаний о Природе (The Royal Society of London for the Improvement of Natural Knowledge), которое является одним из старейших научных обществ в мире и девизом которого стало латинское выражение *Nullius in verba* («Ничьими словами»). Тем самым ученые однозначно дали понять, что истинное научное знание может основываться только на фактах, полученных опытным путем, а не на словах и чьем-то авторитете. В естественной науке нет места риторике: вещи должны представать перед взглядом ученого такими, какие они есть в реальности. При этом понимание природы как чего-то неподвластного человеку отходит на второй план. Когда говорят, что «для естествознания человек – часть природного мира, и главные усилия направлены на то, чтобы показать его родство с миром природы» (Говорунов, 2009: 53), то, как представляется, скорее выдают желаемое за действительное. На самом же деле основная цель естественной науки – установить причинно-следственные отношения в природе и выразить их с помощью законов, которые позволяют человеку контролировать окружающую среду и предсказывать будущие события. Эпистема как научный идеал получает выражение именно в естественной науке (ср.: Flyvbjerg, 2001: 56).

1.2

Причинно-следственные отношения в природе могут быть установлены наиболее объективно с помощью наблюдения и эксперимента: именно так можно «черпать из природы знания, но не как школьник, которому учитель подсказывает все, что он хочет, а как судья, заставляющий свидетеля отвечать на предлагаемые вопросы» (Кант, 1964: 85–86). Подразумевается, что такие «правильные» вопросы предопределены самой природой (исследуемых объектов). Соответственно, по словам И. Пригожина и И. Стенгерс, «каким бы ни был ответ природы – “да” или “нет” – он будет выражен на том же теоретическом языке, на котором был задан вопрос» (1986: 48–49). Основным языком, при помощи которого можно прочитать